

# ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

## НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ ЖИЗНИ А.С. ГРИБОЕДОВА КАК ОБЪЕКТ СЕМИОТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ашрафи Рад Махмуд, Д.У. Якибова

Кафедра русской и зарубежной литературы  
Российский университет дружбы народов  
*ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198*

В статье рассматриваются факты жизни А.С. Грибоедова, его принадлежность к декабризму. Выделяются и рассматриваются несколько оппозиций, которые являются основанием семиотического метода исследования: «гениальность—заурядность», «законное — незаконное рождение», «дворянское — недворянское происхождение», «декабрист—противник декабризма». На основании различных культурных фактов, составляющих семиотическую систему отсчета, можно утверждать, что все этапы ученических лет соответствуют действительности при том условии, что точкой отсчета является 1790 год. При этом незаконнорожденность Грибоедова не отменяет факта дворянского происхождения. В результате можно считать развеянным миф о мальчике-вундеркинде. «Горе от ума» в свете этого становится плодом зрелой мысли автора. Кроме того, можно сделать и вывод о том, что Грибоедов не был противником, но и не принадлежал к числу сторонников декабризма.

**Ключевые слова:** А.С. Грибоедов, семиотические исследования, оппозиции, «гениальность—заурядность», «законное — незаконное рождение», «дворянское — недворянское происхождение», «декабрист—противник декабризма».

Дружеское окружение, общественные и литературные связи А.С. Грибоедова составляют семиотическую оппозицию к его смерти и последующему восприятию его литературной и общественной деятельности. Личность Грибоедова как литератора и общественного деятеля может быть осознана адекватно и полно только в результате снятия этой оппозиционности: героическая смерть явилась закономерным следствием жизни (восполнением жизни), литературная и общественная деятельность стала таковой для потомков как следствие осознанной процедуры исследования этой деятельности (восполнением деятельности). И в том, и в другом случае оппозиционность на выходе исследования должна быть снята для достижения гармоничного результата.

Изучение жизни и творчества А.С. Грибоедова в семиотической перспективе предполагает выделение нескольких оппозиций, которые являются основанием семиотического метода исследования. В данной статье мы рассматриваем следу-

ющие оппозиции: «гениальность—заурядность», «законное — незаконное рождение», «дворянское — недворянское происхождение», «декабрист—противник декабризма».

В ходе изучения мы попытаемся решить некоторые проблемы исследования жизни А.С. Грибоедова, возникающие в связи с указанными оппозициями.

Принято считать, что А.С. Грибоедов родился в 1795 году, в Москве, в старинной дворянской семье. Ему было около 8 лет, когда он поступил в Благородный университетский пансион, а с 1806 по 1812 г. учился в Московском университете сначала на словесном отделении философского факультета, а затем на этико-политическом юридического факультета. Вот уж поистине «ум, алчущий познаний»! В это время в университете учились и получали образование многие будущие известные люди России: писатели, деятели науки и культуры, будущие декабристы. В 1808 году Грибоедов получил степень кандидата словесных наук, а в 1810 получает степень кандидата прав [1. С. 47—48].

В 1812 году Грибоедов, охваченный патриотическим подъемом, вступает добровольцем в Московский гусарский полк, а вскоре переводится корнетом в Иркутский гусарский полк. В боевых действиях он не участвовал, так как серьезно заболел. Его полк остановился возле Брест-Литовска, откуда он послал в «Вестник Европы» статью «Письмо издателю»; так русский читатель открыл для себя новое имя — Грибоедов. В 1815 году Грибоедов вышел в отставку, поселился в Петербурге и посвятил себя литературе.

В стиле рококо была написана его первая комедия «Молодые супруги», переведенная им с французского (1815). Ее хорошо встретила публика. Грибоедов пробует свои силы и как критик и как поэт, но главное его увлечение — драматургия. Он обращается к жанру бытовой комедии. В 1817 году вместе с П.А. Катениным написал бытовую комедию «Студент», пародировавшую М.Н. Загоскина и круг «арзамасского братства». В следующих комедиях: «Своя семья, или Замужняя невеста» (1818), «Притворная неверность» (1818), «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» (1824) — Грибоедов проявил себя как мастер изящной «светской комедии», уже угадывается будущий автор «Горя от ума». Его заметили в литературно-театральных сферах, друзья отмечали его талант, вот как пишет, например, В.П. Мещеряков о ближайшем товарище Грибоедова Степане Бегичеве: «...заслуга Бегичева состояла в том, что он разглядел неординарность натуры Грибоедова, внушил ему веру в себя, убедил в необходимости развивать отпущенные природой дарования» [2. С. 8].

Друзьями Грибоедова были будущие декабристы П.Я. Чаадаев, С.П. Трубецкой, И.Д. Якушкин, М.Ф. Орлов, братья Муравьевы и многие из числа тех, кто 14 декабря 1825 года вышел на Сенатскую площадь. Однако это время и бурной светской жизни молодого писателя. В ноябре 1817 года Грибоедов в качестве секунданта принял участие в дуэли графа А.П. Завадовского с В.В. Шереметевым, закончившейся смертью последнего. Позднее Грибоедов стрелялся с секундантом Завадовского. Это была шумевшая «четвертная» дуэль. Гибель друга глубоко потрясла Грибоедова и заставила его бросить светскую жизнь. Дуэль при Алек-

сандре I квалифицировалась как уголовное преступление. Дело до суда не дошло, но лица, замешанные в дуэли, были наказаны. Грибоедов, который незадолго до поединка поступил на дипломатическую службу, был отправлен на Кавказ секретарем персидской миссии при главнокомандующем Кавказским корпусом генерале А.П. Ермолове. По пути на службу он останавливается в Москве, которая его разочаровала. «В Москве все не по мне, — пишет он своему ближайшему другу С.Н. Бегичеву. — Праздность, роскошь, не сопряженные ни с малейшим чувством к чему-нибудь хорошему... ни в ком нет любви к чему-нибудь изящному, а притом „несть пророк без чести, токмо в отечестве своем, сродстве своем и в дому своем“. Отечество, сродство и дом мой в Москве. Все тамошние помнят во мне Сашу, милого ребенка, который теперь вырос, много повесничал, наконец, становится к чему-то годен, определен в миссию и может со временем попасть в статские советники, а больше во мне ничего видеть не хотят» [3. С. 453]. Критический пафос и дух анализа «Горя от ума», видимо, начинает оттачиваться именно в этот период. Грибоедов провел на Кавказе с перерывами почти пять лет, исполняя служебные обязанности при генерале Ермолове, которого он глубоко уважал, и работая над своей главной комедией.

Грибоедов приехал в Петербург в 1823 году на непродолжительный отдых с рукописью пьесы «Горя от ума», которая сразу стала событием культурной жизни обеих столиц. При жизни автора пьеса была напечатана лишь частично, по России она распространялась переписанной от руки. Впервые полностью пьеса была напечатана в 1833 году.

Исследователь биографии и творчества Грибоедова В.П. Мещеряков отмечает, что в период пребывания в столице Грибоедов вновь попадает в среду «молодых вольнодумцев», будущих участников декабрьского восстания (В.К. Кюхельбекер, К.Ф. Рылеев, А.И. Одоевский, А.А. Бестужев). Грибоедов был полностью осведомлен об их настроениях и замыслах. Именно поэтому в январе 1826 года по царскому повелению он был доставлен в Петербург и находился под арестом до лета. Существует ряд показаний заговорщиков, которые признали, что Грибоедов являлся членом тайного общества, посягнувшего на монархию. Но Грибоедов решительно отвергал все предъявленные ему обвинения, многие из подследственных высказались в его пользу. Помогло также заступничество влиятельной родни. Грибоедова освободили «с очистительным аттестатом».

Грибоедов снова отправляется исполнять дипломатические функции на Кавказ, в Персию. Результатом его деятельности был чрезвычайно нужный России Туркманчайский договор, заключенный в феврале 1828 года. В марте Грибоедов привез в Петербург трактат о мире и был принят императором, наградившим его чином, орденом, и деньгами. Но на аудиенции во дворце поэт отважился просить за сосланных друзей. В результате власти отсылают Грибоедова подальше от двора, назначив министром-резидентом в Персии, куда он затем отправляется навстречу своей смерти.

Так выглядит общая канва жизни русского дипломата и драматурга. Споры возникают в точках семиотического пространства, которые обнаруживают в своей

сути бинарные оппозиции современной Грибоедову культуры. В жизни Грибоедова многое неоднозначно. Однако если часть загадок объясняется просто плохой сохранностью архивов Грибоедова и его окружения, то другая часть зависит целиком от семиотического исследования культурных бинарных оппозиций. Расшифровывать эти загадки следует отправляясь не от документов, а прежде всего из прямых и косвенных свидетельств (а иногда и, наоборот, умолчаний) друзей и знакомых Грибоедова.

Оппозиция «гениальность—заурядность»

Вопрос о дате рождения А.С. Грибоедова тесно связан с разрешением вопроса о «гениальности—заурядности», поскольку затрагивает первичную мифологическую тему «рождение необыкновенного человека и проявление способностей в раннем возрасте». Сомнения в дате его рождения являются, по сути, семиотическим поиском подтверждений незаурядности А.С. Грибоедова. Не существует точного документального подтверждения даты рождения Грибоедова, полунамеками об этом говорили его современники. В результате в научной литературе, как отмечает В.П. Мещеряков, о годе рождения автора «Горя от ума» содержатся самые противоречивые сведения.

«В «Энциклопедическом лексиконе» А. Плюшара (1838) статью о Грибоедове до ее опубликования просматривали ближайшие друзья драматурга — С.Н. Бегичев, А.А. Жандр и В.Ф. Одоевский, — и означенный 1793 год рождения не вызвал у них возражений. Но впоследствии Бегичев заявил, что Грибоедов родился в 1795 году. А известный историк М.И. Семевский подчеркивал, что Грибоедов, «как известно, родился в 1794 году» [1. С. 10—11].

Биограф Грибоедова Н.П. Розанов, внимательно просмотревший все метрические книги московских церквей с 1790 по 1796 год, ни в одной из них не нашел запись о рождении Грибоедова. Он установил, что «мать писателя, Н.Ф. Грибоедова, в 1790 году еще числилась девицей, проживающей в родительском доме». Так первоначально отпала эта дата как год рождения писателя.

Поиски продолжались и в XX веке. В 1954 году известный литературовед А.И. Ревякин нашел в церковных ведомостях запись о том, что 4 июля 1792 года была крещена сестра поэта Мария. Находка позволила вычислить дату венчания родителей Грибоедова — 1791. Ревякин отыскал и другую запись, в которой сообщалось, что 13 января 1795 года у отставного секунд-майора С.И. Грибоедова родился сын Павел.

Получается, считает А.И. Ревякин, что Грибоедов не мог родиться в 1790 году (мать не замужем), не мог он родиться и 4 января 1793 года, поскольку тогда следовало, что он родился через шесть месяцев после сестры. Не мог он родиться и в 1795 году, так как в январе этого года родился Павел Грибоедов, его младший брат. Ревякин считал, что самой вероятной датой рождения следует считать 4 января 1794 года, что подтверждается и паспортом 1816 года [1. С. 15—16].

Позднее А.И. Ревякин отказался от своих выводов, в своем учебнике «История русской литературы XIX в.» (1977) он говорит, что наиболее вероятной датой рождения А.С. Грибоедова следует считать 1790 [4. С. 121], во втором издании автор утверждает, что все «названные даты не имеют неоспоримой достоверности» [5. С. 231].

Последующие попытки обнаружить документы о рождении А.С. Грибоедова оказались безуспешными. Поэтому воспоминания современников и данные, устанавливаемые из дружеского окружения драматурга, обладают не меньшим весом, чем документальные свидетельства.

Оппозиция «законное — незаконное рождение».

Мещеряков считает, что Грибоедов родился в 1790 году. Он прибегает к важному доказательству, построенному на факте незаконного рождения Грибоедова.

А.С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум» (1836) несколько страниц посвятил Грибоедову. Внимание исследователя может привлечь следующее замечание: «Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств» [6. С. 668]. Возможно, А.С. Пушкин имел в виду участие Грибоедова в дуэли Шереметева с Завадовским, у которого он был секундантом (ноябрь 1817 года). Клеветнические слухи о неблагоприятном поведении Грибоедова в этой истории долгое время омрачали его жизнь. Но о поединке Пушкин говорит особо: «...даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении» [6. С. 667].

Поэтому, говоря о следствии «пылких страстей», как считает Мещеряков, Пушкин, несомненно, имел в виду нечто иное. Предположение подкрепляется и следующей фразой: «Он почувствовал необходимость расчесться единожды навсегда с своею молодостию и круто поворотить свою жизнь» [6. С. 667]. Сопоставление этих двух суждений наводит на мысль, что в первом подразумевается что-то такое, что *изначально* заставляло Грибоедова держаться в тени «облаков», возникших помимо его воли.

Более веские и определенные доказательства Мещеряков находит в том факте, что еще при жизни Грибоедова и по его настоянию В.С. Миклашевич, гражданская жена Жандра (ни от Жандра, ни от Миклашевич Грибоедов не имел тайн), начала писать роман «Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия», оконченный только в 1836 году. Романом заинтересовался Пушкин, собиравшийся даже написать к нему эпитафия, но не успевший выполнить обещания. Опубликовано «Село Михайловское» только в 1864—1865 годах, когда Миклашевич уже не было в живых.

Сразу же после выхода романа в свет читатели начали узнавать в его многочисленных персонажах реальных лиц. И Жандр, на глазах которого писался роман, неоднократно свидетельствовал, что все персонажи срисованы с натуры, называл и прототипов отдельных героев. В одном из писем Жандр подчеркивал, что Миклашевич *«не выдумывала ничего: в ее книге нет ни одного лица, которое не жило бы во время происшествия и не действовало так, как она его описала»*.

Мещеряков подчеркивает особенно, что Жандр и Миклашевич свято чтит память Грибоедова и никогда не решились бы бросить на нее хоть малейшее пятно, поэтому он выделяет особо тот пласт романа, в котором действуют Грибоедов, Одоевский и Рылеев. Они, как указывал Жандр, представлены в образах Рузина, Заринского и Ильменева, причем с большой долей сходства.

Мещеряков отмечает, что особенно важны те страницы «Села Михайловского», которые посвящены взаимоотношениям Рузина-Грибоедова с родителями.

Здесь подробно рассказано о том, что «сын Пелагеи Матвеевны (матери Рузина) также шел в приданое», а Рузин-старший принял это условие, польстившись на богатство и родственные связи невесты.

Мещеряков обращает внимание на диалог Ильменева с молодым Рузиным. «А который тебе год, скажи-ка, милый Валерий? — *Матушка мне считает восемнадцать лет; но я не верю женской хронологии, а думаю, что мне гораздо больше*». Реплика Рузина, по мнению Мещерякова, повисает в воздухе, если не принять в расчет, что она была нужна автору как своего рода «опознавательный знак», намек на реальность описываемого.

Ясно, отмечает Мещеряков, что Булгарин, Пушкин и Миклашевич говорят об одном и том же, но с разной степенью определенности. В то время, когда еще живы были мать, сестра и жена Грибоедова, говорить открыто, что он был рожден до брака его родителей, разумеется, не представлялось возможным [1. С. 5—6].

Подобные соображения были существенны и для Д.П. Смирнова, дальнего родственника Грибоедова и его первого биографа, собравшего много ценных сведений об авторе знаменитой комедии. Публикация одной из не изданных при жизни Смирнова его работ о Грибоедове включает и письмо исследователя в дирекцию Публичной библиотеки в Петербурге (1857).

Смирнов запрашивал, может ли он сдать на хранение в библиотеку запечатанное в конверт «сочинение» о Грибоедове, содержание которого он не мог и не хотел объявить современникам. Однако дирекция не пошла навстречу такому желанию, и «сочинение» оказалось утраченным при пожаре.

Сын Д.П. Смирнова Ю.Д. Смирнов спустя тридцать лет сообщил, что располагает копиями работ отца, но также воздержался от публикации части из них по соображениям, которые он находил «неудобным высказать в настоящее время». И копии остались неизвестны литературоведам и историкам.

Очень похоже, что Смирнов и его сын имели в виду тайну происхождения Грибоедова, в силу чего и не решались обнародовать это «сочинение» [1. С. 12].

Мещеряков добавляет еще один факт из семейной хроники Грибоедовых, имеющий прямое отношение к исследуемой загадке. Уже в конце XIX века в прессе промелькнуло сообщение о том, что, со слов московских старожилов, А.Ф. Грибоедов (дядя драматурга) «развесил в парадной зале хмелитского особняка портреты трех своих сестер-красавиц. Четвертая, Настасья Федоровна, этой чести не удостоилась, якобы потому, что была нехороша собой» [1. С. 21]. По мнению Мещерякова, этот факт очень примечательный. Он дает ему другую интерпретацию. Подобному «остракизму» обычно подвергались те из родственников, кто запятнал фамильную честь недостойным поступком. А именно Настасья Федоровна, если имела незаконнорожденного ребенка, перед родней была сильно виновата.

Кроме того, послужные списки Грибоедова начиная с 1818 года, когда он, по словам Пушкина, решил «расчесться единожды навсегда с своею молодостию и круто поворотить свою жизнь», отсылают к 1790 году.

На эту же дату косвенно указывает и сам Грибоедов. В письме от 4 января 1825 года Грибоедов печально сообщал Бегичеву: «Нынче день моего рождения,

что же я? На полпути моей жизни скоро буду стар и глуп, как все мои благородные современники» [3. С. 506]. Известно, что во времена Грибоедова 35 лет «считались половинным сроком человеческой жизни (ср. в Библии: «Срок нашей жизни 70 лет»)» [3. С. 713].

Основной массив косвенных и прямых данных отвергает показания исповедных ведомостей (кстати сказать, очень неточных, возраст исповедуемых там писался со слов и порой расходился с настоящим на два-три года), на которые так охотно ссылаются «сторонники 1795 года». Считать 1790 год истинным годом рождения драматурга ранее мешало не столько отсутствие точного документа, сколько стремление «выпрямить» биографию великого писателя. В конце концов Мещеряков склоняется к версии, что мать Грибоедова Настасья Федоровна почитала за лучшее не предавать огласке рождение сына, случившееся до замужества, в надежде на то, что время все сгладит.

Доказательство того, что Грибоедов был рожден ранее 1794 г., исследователи находят и в его портрете, на котором он изображен в отроческом возрасте. Кем и когда написан портрет — неизвестно.

«Худощавый — уже не мальчик, еще не совсем юноша... Серьезный, пылкий взгляд, книги на столе, уголок географической карты, через распахнутую дверь видна аллея тополей. Конечно, трудно определить возраст по картине. И все же что-то поддается расшифровке.

Судя по костюму, портрет написан в интервале 1805—1807 годов. В этом убеждает сравнение портрета с модными журналами и другими живописными работами той же поры, время создания которых мы знаем точно. Именно так датируется грибоедовское изображение и в сводном каталоге иконографии Литературного музея Пушкинского Дома АН СССР. Если бы Грибоедов родился в 1795 году, то на портрете он должен был бы выглядеть значительно моложе. Здесь ему никак не меньше пятнадцати-шестнадцати лет, а ведь должно бы быть десять-одиннадцать» [1. С. 13].

Итак, множество косвенных данных свидетельствует, что Грибоедов родился ранее «официально» принятой даты.

Оппозиция «дворянское — недворянское происхождение»

Нужно задаться вопросом, почему нет ни одного прямого указания ни в письмах, ни в мемуарах о подробностях происхождения Грибоедова.

Мещеряков предлагает видеть в этом разгадку тайны его рождения. Так, никто не знал подлинного отца Грибоедова — Настасье Федоровне удалось сохранить его имя в тайне. Неясно, почему никто из пишущих об этом вообще ни единым словом не коснулся такой немаловажной подробности. Скорее всего, потому, считает Мещеряков, что случай был из ряда вон выходящим и, следовательно, настолько щекотливым, что и без уточнения обстоятельств все знали, о чем шла речь. Другими словами, никто не упомянул об отце Грибоедова по той причине, что это положило бы тень на все дворянское сословие, ибо он был даже не «не ровня» Настасье Федоровне, а еще ниже.

Получается, что определение истинного года рождения Грибоедова связано с разрешением ряда вопросов, построенных на бинарных семиотических оппозициях, свойственных культурному пространству эпохи.

Разрешение загадки о времени рождения Грибоедова помогает понять, что заставило его в 1818 году «круто поворотить свою жизнь». Испытавший сильное потрясение после смерти Шереметева, Грибоедов решил отказаться от праздной светской жизни, начать все сначала и в качестве первого шага указал подлинный год своего рождения. Это была нравственная акция: он сам себе доказывал свою твердость в неукоснительном следовании истине, которой он перед судом собственной совести впредь решил не изменять. Если с современной точки зрения человек, рожденный вне брака, в социальном плане ничем не отличается от прочих граждан, то в начале XIX столетия такой факт выглядел совершенно иначе и мог повлечь за собой печальные последствия. И надо было обладать немалым мужеством, чтобы не отрицать свое «незаконное» рождение. «Имя мое: Грибоедов Александр Сергеев... родился в 1790 году» [1. С. 9].

Таким образом, обозначенная нами первая оппозиция заменяется другой — «законное—незаконное рождение» или «дворянское—недворянское происхождение». Последняя, на основании имеющихся историко-культурных фактов, снимается. В связи с этим становится понятно, каким образом Грибоедов не только был однокашником по Благородному университетскому пансиону Д.В. Дашкова, Н.И. Тургенева, А.И. Якубовича, С.П. Трубецкого, зачисленных в пансион в 14—16 лет, но и учился не менее успешно, чем эти талантливые юноши, и, выделяясь даже в их рядах, получал награды.

Тогда в ином свете предстают и московские наблюдения над миром фамусовых, молчалиных и скалозубов, которые принадлежали человеку с определенным житейским и нравственным опытом. В результате исследование позволяет снять примитивный миф о мальчике-вундеркинде. «Горе от ума» в свете этого становится плодом зрелой мысли автора. Кроме того, исследование позволяет обнаружить подлинную историю и подлинную жизненную драму.

Оппозиция «декабрист—противник декабризма»

Мещеряков отмечает, что именно семейные обстоятельства (неполноценное дворянство) помешали Грибоедову примкнуть к движению «молодых вольнодумцев» на ранней стадии развития заговора.

Одной из первых тайных декабристских организаций был Союз спасения, возникший в 1816 году в Петербурге. С большинством его членов (а их и всего то насчитывалось около трех десятков) — Н.М. Муравьевым-Апостолом, Трубецким, Чаадаевым, А.Н. Муравьевым, Якушкиным — Грибоедов был коротко знаком или дружен. Членом Союза спасения (по другим данным — более позднего Военного общества) стал и Бегичев. Но Александр Сергеевич, осведомленный об образе мыслей заговорщиков и разделявший их убеждения, в члены Союза принят не был.

Рожденный, по словам Пушкина, «с честолюбием, равным его дарованиям», Грибоедов «долго был... опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан» [6. С. 667]. Словно наверстывая упущенное в студенческие годы и во время армейской службы в провинции (а ему было более двадцати лет), Гри-

боедов предавался светским удовольствиям и бравировал своим «гусарским» поведением. Его частенько видели в ресторациях, клубах и в маскараде в обществе известных гуляк и бретеров (П.П. Каверин, А.П. Завадовский и др.), почти каждый вечер бывал он за кулисами театра и в театральном салоне князя А.А. Шаховского. Д.И. Завалишин вспоминал, что Грибоедов тогда воспринимался как человек, «принесший из военной жизни репутацию отчаянного повесы, дурачества которого были темою множества анекдотов, а из петербургской жизни — славу отъявленного и счастливого волокиты, наполнявшего столицу рассказами о своих любовных похождениях, гонявшегося даже и за чужими женами, за что его с такой горечью и настойчивостью упрекал в глаза покойный Каховский» [1. С. 98].

В этом Мещеряков видит первоначальную причину «изоляции» Грибоедова от политических единомышленников. С их точки зрения, он не удовлетворял тем требованиям, что предъявлялись членами Союза спасения к нормам бытового поведения людей своего круга. Члены Союза спасения ко всему относились серьезно, даже ригористично. По-видимому, Грибоедов их модели поведения во многом не соответствовал.

Существовало и еще одно обстоятельство, которое также не улучшало репутацию Грибоедова в глазах членов Союза спасения. Ранней весной 1817 года в костромском имении Н.Ф. Грибоедовой начались волнения крепостных, длившиеся почти три года. Событие получило широкую огласку, его взял под наблюдение сам царь, о костромском бунте грибоедовских мужиков упоминал впоследствии в своих мемуарах Якушкин.

В этой ситуации Грибоедов не только не вмешался в тяжбу матери с ее «крещеной собственностью», но и в дружеском кругу предпочитал не затрагивать эту тему. Письма драматурга этого периода информируют о том, что даже и не находя общего языка с родительницей, он старался ни в чем не прекословить ей.

Он знал, какие страдания выпали на долю Настасьи Федоровны в связи с его «незаконным рождением», и не решался спорить с ней, почитая себя не вправе доставлять матери, столько вытерпевшей из-за сына, хотя бы малейшие огорчения. Члены же Союза спасения, несомненно, воспринимали его молчание как симптом политической индифферентности и, естественно, считали, что Грибоедову не место в их рядах.

Таким образом, оппозиция «декабрист — противник декабризма» теряет свою ригористичность: в действительности Грибоедов не был противником декабризма, но и не принадлежал к числу его сторонников. Возможно, именно в этом проявилась свойственная Грибоедову рефлексия. Его политические взгляды, сформировавшиеся в процессе общения с «молодыми вольнодумцами», хотя и были близки к программе декабристов, но — в главном — были глубже, что не позволило ему всецело примкнуть к их движению. Недаром Пушкин называл Грибоедова «одним из самых умных людей в России».

## ЛИТЕРАТУРА

- [1] Мещеряков В.П. Жизнь и деяния Александра Грибоедова. — М.: Современник, 1989.
- [2] Мещеряков В.П. А.С. Грибоедов. Литературное окружение и восприятие (XIX — начало XX в.). — Л.: Наука, 1983.

- [3] *Грибоедов А.С.* Сочинения. — М.: Художественная литература, 1988.  
[4] *Ревякин А.И.* История русской литературы 19 века. — М.: Просвещение, 1977.  
[5] *Ревякин А.И.* История русской литературы 19 века. — М.: Просвещение, 1981.  
[6] *Пушкин А.С.* ПСС в 10-ти тт. — М.: Наука, 1964. — Т. 6.

## **SOME FACTS OF A.S. GRIBOEDOV'S LIFE AS OBJECT OF SEMIOTICS RESEARCH**

**Ashrafi Rad Mahmood, D.U. Yakibova**

Department of the Russian and foreign literature  
The Russian University of Friendship of People  
*Mikluho-Maklaja str., 6 Moscow, Russia, 117198*

In the article the following facts are discussed: Griboedov's early growing and successful training, an ambiguity of his origin, legality of his birth and an accessory to the movement of «decabrism». In this connection some semiotic oppositions which consist the basis of the semiotic method of research are allocated and considered: «genius—mediocrity», «lawful —illegal birth», «noble—not-noble origin», «supporter—opponent of decabrism». On the basis of the various cultural facts making semiotics system of research, all stages of student's years represent the facts provided that a birth point is 1790. Griboedov's illegal birth does not cancel the fact of nobility and the corresponding facilities. As a result it is possible to remove a primitive myth about the boy-child prodigy. «The grief from mind» in the light of it becomes a fruit of mature thought of the author. Besides, it is possible to make a conclusion that Griboedov was not the opponent, but also did not belong to number of supporters of decabrism.

**Key words:** A.S. Griboedov, semiotic research, oppositions, «genius—mediocrity», «lawful—illegal birth», «noble—not-noble origin», «supporter—opponent of decabrism».